

На правах рукописи

МИХАЛЕВА МАРИЯ АНДРЕЕВНА

**ДИАГНОСТИКА И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ТЕЧЕНИЯ
ХРОНИЧЕСКОГО ЛИМФОЦИТАРНОГО ЛЕЙКОЗА С УЧЕТОМ
РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО
СЕКВЕНИРОВАНИЯ**

3.1.28. Гематология и переливание крови

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата медицинских наук

Санкт-Петербург – 2025

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении «Российский научно-исследовательский институт гематологии и трансфузиологии Федерального медико-биологического агентства».

Научный руководитель:

Сидоркевич Сергей Владимирович – доктор медицинских наук

Официальные оппоненты:

Рукавицын Олег Анатольевич – доктор медицинских наук, профессор, начальник гематологического центра Федерального государственного бюджетного учреждения «Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко» Министерства обороны Российской Федерации, главный гематолог Министерства обороны Российской Федерации

Моисеев Иван Сергеевич – доктор медицинских наук, доцент, заместитель директора по научной работе «Научно-исследовательского института детской онкологии, гематологии и трансплантологии им. Р.М. Горбачевой» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, профессор кафедры гематологии, трансфузиологии и трансплантологии с курсом детской онкологии факультета послевузовского образования имени профессора Б.В. Афанасьева

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр имени В.А. Алмазова» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Защита диссертации состоится «___» _____ 2025 года в ___ часов на заседании диссертационного совета 68.1.007.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении «Российский научно-исследовательский институт гематологии и трансфузиологии Федерального медико-биологического агентства» (191024, г. Санкт-Петербург, ул. 2-я Советская, 16)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБУ РосНИИГТ ФМБА России (www.bloodscience.ru).

Автореферат разослан «___» _____ 2025 года.

Ученый секретарь диссертационного совета 68.1.007.01

доктор медицинских наук

Глазанова Татьяна Валентиновна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Хронический лимфоцитарный лейкоз (ХЛЛ) является одним из наиболее распространенных видов гемопоэтических опухолей, встречающийся преимущественно у лиц пожилого возраста. Заболевание имеет отчетливую связь с возрастом, полом, расой, национальными особенностями, содержит наследственный фактор распространения [Hallek M. et al., 2021; Miranda-Filho A. et al., 2018; Siegel R.L. et al., 2023; Каприн А.Д. и др., 2024].

Согласно критериям международной рабочей группы 2018 (International Workshop on Chronic Lymphocytic Leukemia, iwCLL) ХЛЛ определяется как злокачественное лимфопролиферативное заболевание из малых В-лимфоцитов в количестве не менее $5 \times 10^9/\text{л}$ в крови и экспрессирующих CD5, CD19, CD20 и CD23 [Hallek M. et al., 2018]. Клинические проявления и течение ХЛЛ крайне гетерогенны: от бессимптомного, не требующего лечения, до агрессивного, демонстрирующего резистентность к терапии, с фульминантным течением и значимым ухудшением показателей выживаемости [Hallek M. et al., 2021].

Развитие и практическое применение знаний о клинической гетерогенности, являющейся отражением молекулярного разнообразия опухолевого клона [Михалева М.А. и др., 2025], служит ключевой целью изучения ХЛЛ. Современные подходы к пониманию и диагностике ХЛЛ требуют использования передовых методов исследования, которые позволяют более достоверно определять генетические и молекулярные особенности заболевания.

Классические исследования генома: цитогенетика, флюоресцентная *in-situ* гибридизация (fluorescent *in-situ* hybridization, FISH) и полимеразная цепная реакция (ПЦР) позволили установить роль генетических изменений в патогенезе ХЛЛ. Результаты данных исследований используются при стратификации пациентов на группы риска.

Оценка мутационного статуса гена варибельного региона тяжелой цепи иммуноглобулинов (immunoglobulin heavy-chain variable region, *IGHV*) [Hamblin T.J. et al., 1999; Damle R.N., et al. 1999; Ghia P. et al., 2007; Agathangelidis A. et al., 2022] и наличия четырех основных цитогенетических aberrаций (делеции длинного плеча 13 хромосомы – del(13q), трисомии 12 хромосомы – (+12), делеции длинного плеча 11 хромосомы – del(11q) и делеции короткого плеча 17 хромосомы – del(17p)) [Döhner H. et al., 2000] позволяет сформировать прогностические группы, в которых различная природа опухолевых клонов генетически детерминирует течение заболевания.

Тем не менее, прогноз заболевания, построенный на положениях классических методов исследования генома и правильно выбранной терапевтической тактики, не всегда коррелирует с течением болезни. Внедрение в рутинную клиническую практику таргетных препаратов предусматривает идентификацию генетических нарушений у данной группы пациентов, с использованием методов молекулярной биологии.

Методы исследования генома за последние десятилетия претерпели существенные изменения: от анализа хромосомных aberrаций до секвенирования ДНК/РНК отдельных клеток (single-cell DNA/RNA-sequencing), что позволило расширить знания о клеточном происхождении ХЛЛ, его микроокружении и молекулярных изменениях. Одним из перспективных направлений среди современных диагностических методов стало секвенирование нового поколения (next-generation sequencing, NGS). Технология NGS обеспечивает анализ генетического профиля с точностью до одного нуклеотида, не теряя преимуществ по времени и стоимости получения результатов.

Первые крупные исследования с применением полноэкзомного (whole-exome sequencing, WES) и полногеномного (whole-genome sequencing, WGS) секвенирования позволили создать подробную молекулярную карту ХЛЛ и установить роль сигнальных клеточных путей в патогенезе и прогнозе заболевания [Puente X.S. et al., 2011, 2015; Quesada V. et al., 2011; Wang L. et al., 2011; Fabbri G. et al., 2011; Landau D.A. et al., 2013, 2014, 2015; Ljungström V. et al., 2016].

Исследования последних пяти лет, проводимые на больших когортах пациентов, позволили идентифицировать ранее не описанные гены-драйверы и установить, что у подавляющего числа больных ХЛЛ (> 96%) выявляется как минимум одна мутация [Knisbacher V.A. et al., 2022]. Генетические aberrации, определяемые с частотой > 10%, встречаются лишь в ограниченном количестве генов (например, *ATM*, *NOTCH1*, *SF3B1*, *TP53*). Тогда как преобладающая часть мутаций определяется в более чем 100 генах с очень низким процентным соотношением (1–5% случаев), что подтверждает генетическую гетерогенность ХЛЛ и наличие опухолевых субклонов [Mollstedt J. et al., 2023].

Дизайн, создание и внедрение диагностических NGS панелей открывает возможности для разработки новых исследовательских алгоритмов, совершенствования прогнозирования течения заболевания и оптимизации терапевтических стратегий. В итоге это способствует улучшению результатов лечения больных с ХЛЛ, повышению качества их жизни и снижению затрат на лечение. Проведение комплексных исследований, направленных на изучение молекулярно-генетических основ ХЛЛ с использованием NGS, своевременно и имеет важное значение в Российской Федерации.

Степень разработанности темы

В настоящее время опубликовано множество работ, посвященных изучению молекулярно-генетических нарушений при ХЛЛ [Hallek M. et al., 2010, 2021; Hamblin T.J. et al., 1999; Damle R.N., et al. 1999; Ghia P. et al., 2007; Agathangelidis A. et al., 2022; Döhner H. et al., 2000; Puente X.S. et al., 2011, 2015; Quesada V. et al., 2011; Wang L. et al., 2011; Fabbri G. et al., 2011; Landau D.A. et al., 2013, 2014, 2015; Ljungström V. et al., 2016; Knisbacher V.A. et al., 2022; Mollstedt J. et al., 2023; Juliusson G. et al., 1990; Puiggros A. et al., 2014; Jeromin S. et al., 2014; Larrayoz M. et al., 2017; Brown J.R. et al., 2012; Zenz T. et al., 2010; Lampson B.L. et al., 2023; Zenz T. et al., 2010; Seiffert M. et al., 2012; Yu L. et al., 2017; Mikhaleva M. et al., 2023; Rigolin G.M. et al., 2012; Baliakas P. et al., 2014; Cavallari M. et al., 2018; Jaglowski S.M. et al., 2012; Baliakas P. et al., 2019, 2022; Santos Azevedo R. et al., 2024; Бидерман Б.В. и др., 2012, 2023; Rosenquist R. et al., 2017; Mansouri L. et al., 2023]. Установлены ключевые генетические маркеры (немутированный *IGHV*, *del(17p)*, *del(11q)*, *TP53*, *ATM*, *NOTCH1*, *SF3B1*), ассоциированные с агрессивным течением заболевания, резистентностью к терапии и неблагоприятным прогнозом. Разработаны прогностические системы [Kreuzberger N. et al., 2020], применяемые как в рутинной практике, так и в клинических исследованиях: международный прогностический индекс ХЛЛ (international prognostic index for patients with chronic lymphocytic leukemia, CLL-IPI) [International CLL-IPI Working Group, 2016], прогностические индексы консорциума Барселона-Брно (Barcelona-Bрно score) [Delgado J. et al., 2017] и онкологического центра MD Андерсона (MD Anderson Cancer Center prognostic index, MDACC2007) [Wierda W.G. et al., 2007].

Секвенирование нового поколения идентифицировало рекуррентные мутации в генах *BIRC3*, *RPS15*, *XPO1*, *MYD88*, *SAMHD1*, *POT1* и *FBXW7*, а также установило их прогностическую роль. Несмотря на существенный прогресс в расшифровке геномного ландшафта ХЛЛ, ряд вопросов остается недостаточно изученными. Комплексное влияние сочетанных мутаций на фенотип заболевания, включая формирование резистентности к таргетной терапии, требует углубленного анализа синергетических эффектов генетических aberrаций как между собой, так и с другими клинико-лабораторными параметрами.

Выявление соматических мутаций в генах миелоидной направленности (например, *DNMT3A*, *TET2* и *ASXL1*) у больных ХЛЛ влечет за собой необходимость изучения феномена клонального гемопоэза (КГ), а именно клонального гемопоэза неопределенного потенциала (clonal hematopoiesis of indeterminate potential, CHIP). A. Vijenthira et al. исследовали распространенность миелоидного CHIP (М-CHIP) у больных ХЛЛ, которая составила 12% для пациентов не получавших терапию и 24% для ранее леченых больных. Наличие ≥ 2 мутаций в генах М-CHIP ассоциировалось с сокращением общей выживаемости (ОВ), но не влияло на показатель времени до начала первой линии терапии (ВТ1) [Vijenthira A. et al., 2024]. Результаты демонстрируют необходимость дальнейшего изучения роли М-CHIP мутаций в прогнозе ХЛЛ, особенно в контексте персонализированной терапии.

Актуальной задачей является определение роли отдельных мутаций в качестве независимых прогностических маркеров ВТ1, ОВ и выживаемости без прогрессии (ВБП), а также ответа на противоопухолевую терапию. Интеграция таргетного секвенирования в стандартные алгоритмы диагностики и мониторинга заболевания позволит своевременно выявлять клональную эволюцию опухоли и адаптировать терапевтические стратегии. Необходимость преодоления этих ограничений стала основой для определения цели и задач настоящего исследования.

Цель исследования

Установить распространенность и прогностическую роль мутаций в генах, идентифицированных методом NGS, у пациентов с хроническим лимфоцитарным лейкозом.

Задачи исследования

1. Определить панель генов, вовлеченных в ключевые сигнальные клеточные пути хронического лимфоцитарного лейкоза, и установить ее диагностическую значимость.
2. Создать алгоритм интерпретации результатов таргетного NGS для пациентов с хроническим лимфоцитарным лейкозом.
3. Исследовать мутационный статус генов у больных хроническим лимфоцитарным лейкозом и изучить взаимосвязи встречаемых мутаций в генах с клиническими параметрами и стандартными прогностическими факторами.
4. Оценить влияние отдельных генетических мутаций на клиническое течение хронического лимфоцитарного лейкоза, включая ВТ1, ОВ и ВБП.
5. Определить частоту встречаемости и прогностическую роль мутаций в M-SNP генах у больных хроническим лимфоцитарным лейкозом.

Научная новизна

В рамках настоящего исследования разработана кастомная диагностическая панель для высокопроизводительного секвенирования на базе Научно-исследовательского Центра клеточной и молекулярной патологии ФГБУ РосНИИГТ ФМБА России, которая предназначена для работы на платформе NextSeq (Illumina, США).

Впервые создан алгоритм интерпретации результатов NGS, представляющий собой эффективное решение для предварительной фильтрации и аннотации вариантов нуклеотидных последовательностей. Алгоритм позволяет выделять соматические варианты мутаций в условиях отсутствия возможности секвенирования герминальной ДНК.

Впервые в РФ проведено комплексное исследование геномного профиля больных ХЛЛ методом NGS. Изучена взаимосвязь выявленных мутаций с клинико-биологическими характеристиками заболевания и оценено их прогностическое значение. Минорные опухолевые клоны (субклоны) являются независимыми биомаркерами сокращения показателя беспрогрессивной выживаемости больных ХЛЛ.

Впервые исследована опухолевая мутационная нагрузка у больных ХЛЛ и доказана ее роль в качестве неблагоприятного предиктора сокращения времени до начала противоопухолевой терапии первой линии больных ХЛЛ.

Впервые проведен анализ мутаций в генах M-SNP в исследуемой выборке и показано, что мутации в генах M-SNP ассоциированы с неблагоприятными прогностическими маркерами ХЛЛ.

Теоретическая и практическая значимость работы

Оценена распространенность мутаций в генах когорты больных ХЛЛ методом NGS. Результаты проведенного исследования дополняют имеющиеся данные о частоте и спектре мутаций в генах ХЛЛ, а также их прогностической значимости. Полученные данные могут быть использованы для дополнения протоколов диагностики и алгоритмов лечения, что позволит использовать комбинации лекарственных препаратов для воздействия на молекулярные мишени опухоли. Разработана и внедрена таргетная NGS панель для диагностики молекулярно-генетических нарушений при злокачественных заболеваниях системы крови в ФГБУ РосНИИГТ ФМБА России. Продемонстрирована актуальность

применения NGS для персонифицированного подхода к диагностике ХЛЛ, что способствует более точной стратификации пациентов по группам риска и более обоснованному выбору тактики ведения пациентов.

Методология и методы исследования

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общенаучные принципы познания: анализ, синтез, сравнение, обобщение. Методология базируется на системном подходе, интегрирующем современные представления об этиологии, патогенезе, диагностике и терапии ХЛЛ. В работе использованы клинические, лабораторные и статистические методы исследования.

Положения выносимые на защиту

1. Апробация таргетной NGS панели, охватывающей ключевые гены, ассоциированные с патогенезом ХЛЛ, подтвердила ее клиническую валидность с высоким пределом детекции соматических мутаций.

2. Разработанный алгоритм интерпретации результатов таргетного NGS позволяет фильтровать и аннотировать варианты нуклеотидной последовательности в условиях отсутствия возможности попарного секвенирования герминальной ДНК, способствуя тем самым выделению соматических мутаций.

3. Мутационный ландшафт больных ХЛЛ является комплексным, о чем свидетельствует выявление пула наиболее часто мутированных генов (*NOTCH1*, *SF3B1*, *XPO1*, *ATM*, *TP53* и *EP300*), субклональных соматических мутаций (*NSD2*, *SMC1A*, *DEK*, *KRAS* и *KMT2C*), доминирующих сигнальных клеточных путей (модификации хроматина, контроля клеточного цикла и повреждения ДНК, RTK/RAS и регуляции транскрипции) и определение взаимосвязей мутаций в генах с клинико-биологическими характеристиками заболевания.

4. Немутированный *IGHV*, мутированный *IKZF3* и высокая опухолевая мутационная нагрузка являются неблагоприятными биомаркерами сокращения времени до инициации противоопухолевой терапии первой линии. Биомаркерами, ухудшающими показатель ВБП у пациентов с ХЛЛ, ранее не получавших терапию, был мутированный ген *BCR*, а у пациентов с рецидивным/рефрактерным течением заболевания – мутации в гене *IKZF3* и присутствие субклональных драйверных мутаций.

5. Мутации в генах М-СНIP встречаются у больных ХЛЛ значительно чаще по сравнению с общей популяцией. Пациентам с ≥ 2 мутациями в генах М-СНIP или мутированным *ASXL1* противоопухолевая терапия первой линии инициирована в более ранние сроки.

Степень достоверности и апробации результатов

Достоверность результатов настоящего исследования определяется репрезентативным объемом выборки пациентов, современными методами научного исследования, обработки и анализа данных. Выводы диссертации обоснованы и логически вытекают из полученных результатов. Основные теоретические и практические положения диссертационной работы представлены в виде устных и постерных докладов на научных конференциях всероссийского и международного уровня: научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы клинической гематологии» (2019 г., Санкт-Петербург), IV научно-практическая конференция «Актуальные вопросы высокотехнологичной помощи в терапии» (2020 г., Санкт-Петербург), VI всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Генетика опухолей кроветворной системы – от диагностики к терапии» (2021 г., Санкт-Петербург), объединенный VI Конгресс гематологов России и III Конгресс трансфузиологов России (2022 г., Москва), XX International Workshop on Chronic Lymphocytic Leukemia (2023 г., Бостон), Annual Meeting of the Japanese Society of Hematology (2023 г., Токио), 65th ASH Annual Meeting (2023 г., Сан-Диего), EHA2024 Hybrid Congress (2024 г., Мадрид), 66th ASH Annual Meeting (2024 г., Сан-Диего), VIII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Генетика опухолей кроветворной системы – от диагностики к

терапии» (2025 г., Санкт-Петербург), ЕНА2025 Congress (2025 г., Милан), XI Петербургский международный онкологический форум «Белые ночи 2025» (2025 г., Санкт-Петербург).

Публикации

По теме диссертации опубликовано 10 статей, из них 7 – в журналах, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований. Опубликовано 16 тезисов, из них 13 – в зарубежной печати. Получено свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025620793 от 19.06.2025.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Научные положения диссертации соответствуют паспорту специальности 3.1.28. Гематология и переливание крови. Результаты проведенной научно-практической работы соответствуют области исследования специальности 3.1.28. Гематология и переливание крови, а именно: п. 3, п. 4 и п. 13.

Внедрение результатов исследования

Результаты исследования внедрены в научно-исследовательскую работу Центра клеточной и молекулярной патологии, Научно-исследовательского отдела гематологии и трансфузиологии, а также в практическую работу клинических подразделений ФГБУ РосНИИГТ ФМБА России.

Личный вклад автора

Личное участие автора в получении научных результатов, излагаемых в диссертационном исследовании, осуществлялось на всех этапах работы: дизайн исследования; подбор и анализ доступных российских и международных литературных источников; определение генов, вовлеченных в ключевые сигнальные клеточные пути ХЛЛ, и рекомендации для их включения в кастомную панель для высокопроизводительного секвенирования; оценка результатов таргетного NGS; сбор и анализ ретроспективных/проспективных данных; проектирование и оптимизация структуры электронной базы данных с последующим ее наполнением; статистическая обработка и анализ данных; обобщение и оформление результатов исследования; формулировка выводов и подготовка материалов к публикациям, устным и постерным докладам.

Структура и объем диссертации

Диссертация изложена на 162 страницах машинописного текста. Квалификационная работа состоит из введения, обзора литературы, описания материалов и методов исследования, результатов собственных исследований, заключения, выводов, практических рекомендаций, перспектив дальнейшей разработки темы, списка литературы (254 источника: 243 – зарубежных и 11 – отечественных). Работа иллюстрирована 34 рисунками и 23 таблицами.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Характеристика исследуемой когорты

В ретроспективно-проспективное исследование включено 74 пациента с В-клеточным ХЛЛ, наблюдавшихся в период с 2006 по 2025 гг. в клинике ФГБУ РосНИИГТ ФМБА России, которым выполнено таргетное NGS. Критерии включения пациентов в исследование: 1. диагноз ХЛЛ с типичным иммунофенотипом, установленный согласно критериям iwCLL [Hallek M. et al., 2018]; 2. пациенты старше 18 лет; 3. доступность клинико-лабораторных данных для анализа; 4. доступность биологического материала для выполнения NGS.

Структура выборки: 50 ранее нелеченых пациентов (67,6%), которым NGS выполнено до начала первой линии терапии (Т1) (группа 1) и 24 пациента (32,4%) с

рецидивным/рефрактерным (P/P) течением заболевания, которым NGS выполнено до начала последующей (≥ 2) линии терапии (группа 2).

На момент верификации диагноза медиана возраста больных составила 61 год (диапазон 26–82) с гендерным разделением 50 мужчин (67,6%) и 24 женщины (32,4%). Распределение основных изучаемых клинико-лабораторных параметров было следующим: стадия по К. Rai I-IV – 94,6%, высокая экспрессия CD38+ – 32,4%, немутированный *IGHV* – 67,6%, del(11q) – 21,6%, del(13q) – 48,6%, del(17p) – 20,3%, (+12) – 8,1%, комплексный кариотип (КК) ≥ 3 аномалий (КК 3+) – 5,4%. Медиана времени наблюдения за когортой с момента верификации диагноза составила 5,8 лет (диапазон 1 мес.–15,7 лет), а с момента выполнения NGS составила 3,1 года (диапазон 1 мес.–5,2 года).

Терапия первой линии (Т1) проведена 70 пациентам (94,6%), из которых 57 пациентов (81,4%) получили Т1 в режиме иммунохимиотерапии, а таргетными препаратами в монорежиме или в режиме комбинаций – 13 пациентов (18,6%). Четыре пациента (15,4%) оставались под динамическим наблюдением ввиду отсутствия критериальных показаний к инициации Т1. Терапия второй линии (Т2) проведена 27 пациентам (36,5%). Наиболее часто в Т2 использовались таргетные препараты в монорежиме или в режиме комбинаций – 15 (55,0%). Медиана линий терапии равнялась 1 (максимум 6).

Частота объективного ответа на Т1 составила 82,9% (95% доверительный интервал (ДИ): 73,8–91,9). Полная ремиссия (ПР) достигнута у 22,9% пациентов, частичная ремиссия (ЧР) – у 60,0%. Стабилизация заболевания (отсутствие критериев для ПР, ЧР или прогрессирования заболевания (ПЗ)) отмечалась у 15,7% пациентов. Частота ПЗ составила 40,0% ($n = 28$). Медиана времени до ПЗ – 28 мес. (25 и 75 процентиля: 16; 54).

Молекулярно-генетические методы исследования

Цитогенетический анализ осуществлен по стандартной GTG методике с последующим анализом не менее 20 метафазных пластин. Интерпретация патологии кариотипа проведена в соответствии с Международной системой цитогеномной номенклатуры человека (The International System for Human Cytogenomic Nomenclature, ISCN, 2021) [Liehr, T. et al, 2021].

FISH-исследование выполнено на суспензии клеток, приготовленной для стандартного кариотипирования или мазках крови на предметном стекле. Использована стандартная панель локус-специфичных зондов – набор XL CLL Probe Kit (XL DLEU/LAMP/12cen+XL ATM/TP53) Deletion Probe (MetaSystems, Германия). Проанализировано не менее 200 интерфазных ядер для каждого зонда. Результаты FISH-исследования интерпретированы согласно ISCN (2021) [Liehr, T. et al, 2021] и классифицированы соответственно иерархической модели Döhner [Döhner H. et al., 2000].

Исследование *IGHV* проводилось методом прямого секвенирования по Сэнгеру. Мутационный статус определялся по степени гомологии к герминальному гену: «мутированный *IGHV* (M-*IGHV*)» – число мутаций в амплифицированной нуклеотидной последовательности гена *IGHV* $\geq 2\%$ в секвенированной V-области клональной реаранжировки, «немутированный *IGHV* (UM-*IGHV*)» – число мутаций в амплифицированной нуклеотидной последовательности гена *IGHV* $< 2\%$.

Таргетное секвенирование нового поколения выполнено с использованием кастомной NGS панели генов ($n = 117$), участвующих в основных сигнальных клеточных путях ХЛЛ (Таблица 1). Анализ нуклеотидных последовательностей выполнен на платформе NextSeq (Illumina, США) методом парно-концевого чтения с длиной 150 пар оснований (п.о.). Средняя глубина прочтения 1000x. При анализе полученных данных применен порог частоты вариантного аллеля (variant allele frequency, VAF) в 2%. Варианты нуклеотидной последовательности ($n = 1718$) предварительно идентифицированы Центром клеточной и молекулярной патологии ФГБУ РосНИИГТ ФМБА России и включены в отчет о секвенировании рецензирующим врачом-генетиком как варианты 1. неопределенного значения ($n = 251$); 2. вероятно доброкачественные ($n = 919$); 3. доброкачественные ($n = 462$); 4. вероятно патогенные ($n = 42$); 5. патогенные ($n = 44$).

Таблица 1 – Таргетная NGS панель

<i>ABL1</i>	<i>BCR</i>	<i>CDKN2A</i>	<i>ETV6</i>	<i>ID3</i>	<i>KLF2</i>	<i>NF1</i>	<i>PTCH1</i>	<i>SETBP1</i>	<i>SYK</i>
<i>AKT3</i>	<i>BIRC3</i>	<i>CDX2</i>	<i>EZH2</i>	<i>IDH1</i>	<i>KMT2A</i>	<i>NOTCH1</i>	<i>PTEN</i>	<i>SF3B1</i>	<i>TET2</i>
<i>ALK</i>	<i>BRAF</i>	<i>CEBPA</i>	<i>FAT1</i>	<i>IDH2</i>	<i>KMT2C</i>	<i>NOTCH2</i>	<i>PTPN11</i>	<i>SH2B3</i>	<i>TENT5C</i>
<i>APC</i>	<i>BRCA1</i>	<i>CIITA</i>	<i>FBXW7</i>	<i>IKZF1</i>	<i>KMT2D</i>	<i>NPM1</i>	<i>PTPRD</i>	<i>SMARCA4</i>	<i>TNFAIP3</i>
<i>ARID1A</i>	<i>BRCA2</i>	<i>CREBBP</i>	<i>FLT3</i>	<i>IKZF3</i>	<i>KRAS</i>	<i>NRAS</i>	<i>RAD21</i>	<i>SMC1A</i>	<i>TP53</i>
<i>ASXL1</i>	<i>BTK</i>	<i>CSF3R</i>	<i>GATA1</i>	<i>IRF4</i>	<i>MAP2K1</i>	<i>NSD2</i>	<i>RB1</i>	<i>SMC3</i>	<i>U2AF1</i>
<i>ATM</i>	<i>CALR</i>	<i>CUX1</i>	<i>GATA2</i>	<i>ITPKB</i>	<i>MEF2B</i>	<i>PHF6</i>	<i>RHOA</i>	<i>SOCS1</i>	<i>WT1</i>
<i>ATRX</i>	<i>CARD11</i>	<i>DDX3X</i>	<i>GNA13</i>	<i>JAK2</i>	<i>MGA</i>	<i>PIK3CB</i>	<i>RPS15</i>	<i>SRSF2</i>	<i>XPO1</i>
<i>B2M</i>	<i>CBL</i>	<i>DEK</i>	<i>GNAS</i>	<i>JAK3</i>	<i>MPL</i>	<i>PIM1</i>	<i>RUNX1</i>	<i>STAG2</i>	<i>ZRSR2</i>
<i>BCL2</i>	<i>CCND1</i>	<i>DIS3</i>	<i>H1-1</i>	<i>KDM6A</i>	<i>MSN</i>	<i>PLCG2</i>	<i>RYR1</i>	<i>STAT3</i>	
<i>BCOR</i>	<i>CD58</i>	<i>DNMT3A</i>	<i>HCK</i>	<i>KDR</i>	<i>MYC</i>	<i>POT1</i>	<i>SAMHD1</i>	<i>STAT6</i>	
<i>BCORL1</i>	<i>CD79B</i>	<i>EP300</i>	<i>HRAS</i>	<i>KIT</i>	<i>MYD88</i>	<i>PRDM1</i>	<i>PDGFRA</i>	<i>SUZ12</i>	

Авторский алгоритм оценки вариантов

Поскольку анализ герминальной ДНК не проводился, то с целью исключения потенциальных наследственных вариантов и фокусирования на соматических мутациях разработан алгоритм (Рисунок 1), позволяющий отфильтровать и ранжировать варианты для последующего статистического анализа.

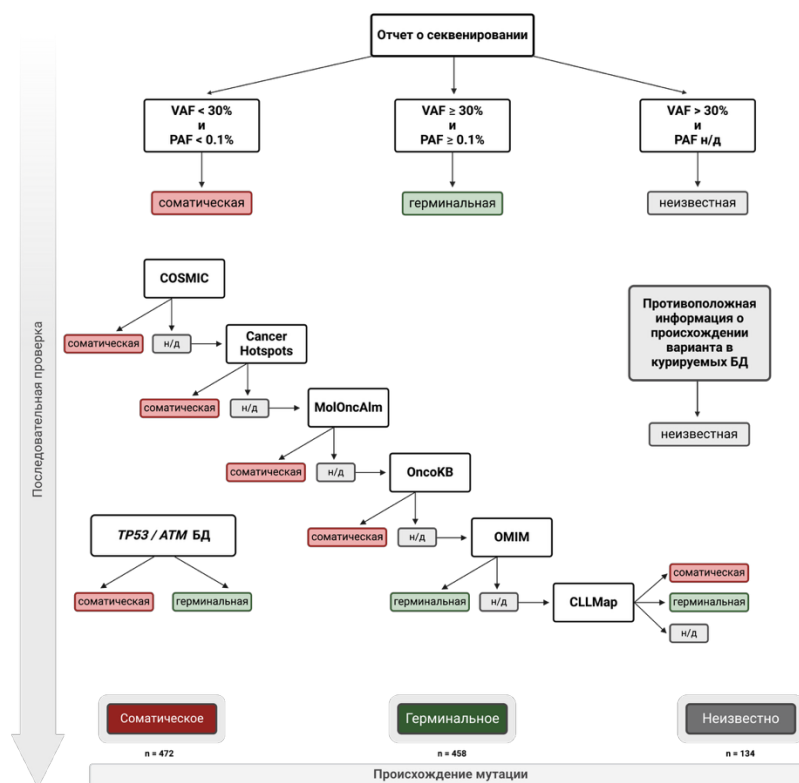

Рисунок 1 – Процесс аннотации мутаций

Примечания: н/д – нет данных; VAF – частота вариантного аллеля; PAF – частота аллеля в популяции.

Подготовительным этапом к аннотации вариантов стало исключение «молчащих» (*silent*) мутаций ($n = 654$). Далее, варианты ранжированы на: соматические, герминальные или неизвестного значения, с использованием баз данных с открытым исходным кодом и опубликованной литературы. Данные VAF собраны из отчетов о секвенировании, установлен пороговый уровень 30%. Данные о частоте аллелей в популяции (*population allele frequency*, PAF) составлены из базы данных агрегации генома (*gnomAD*) или Консорциума агрегации экзома (*ExAc*), пороговый уровень – 0,1%.

Варианты аннотированы соматическими (выделены красным на Рисунке 1) в соответствии с 1. VAF < 30% или $\geq 30\%$ и PAF < 0,1%; и/или 2. перечисленными в COSMIC

и/или CancerHotspots и/или The Molecular Oncology Almanac и/или OncoKB и/или OMIM и/или базами данных *TP53/ATM* и/или CLL map. Мутации ранжированы как герминальные (выделены зеленым на Рисунке 1), если 1. VAF $\geq$ 30% и PAF $\geq$ 0,1%; и/или 2. определены как герминальные в OMIM и/или базах данных *TP53/ATM* (если применимо); и/или 3. не указаны в COSMIC, CancerHotspot, OncoKB или The Molecular Oncology Almanac. Варианты аннотированы как неизвестные (выделены серым на Рисунке 1) в случаях, когда 1. VAF $\geq$ 30%, но данные о PAF отсутствовали в базах данных gnomAD и/или ExAc; и/или 2. не указано или противоположная информация о происхождении варианта в курируемых базах данных. Таким образом, варианты (n = 1064) отсортированы с использованием описанного выше алгоритма на соматические (n = 472), герминальные (n = 458) и неизвестные (n = 134). В последующий статистический анализ включены негерминальные варианты нуклеотидных последовательностей (n = 606).

Для анализа мутаций в генах М-CHIP использован опубликованный список 56 генов-кандидатов миелоидного гемопоэза [Niroula A. et al., 2021] с применением алгоритма [Vijenthira A. et al., 2024], исключаящего гены, наиболее часто мутирующие именно при ХЛЛ (*SF3B1*, *TP53*, *BRAF*, *KRAS*, *BCOR* и *NRAS*). Сформирован итоговый список генов-кандидатов (n = 38) для М-CHIP.

Статистическая обработка данных

Данные, полученные в ходе диссертационной работы, проанализированы с использованием методов, рекомендованных для медико-биологических исследований. Для сравнения количественных переменных использованы при нормальном распределении – t-критерий Стьюдента, а для ненормального распределения – U-критерий Манна-Уитни и H-критерий Краскела-Уоллиса. Для сравнения категориальных переменных использованы двусторонние χ^2 -Пирсона и точный критерий Фишера. В качестве первичной конечной точки оценена ОВ (время от даты верификации диагноза до даты смерти от любой причины). При анализе влияния мутаций в генах на ОВ, определена ОВ-NGS (время от даты NGS тестирования до даты смерти от любой причины). В качестве вторичных конечных точек оценены: ВТ1 (время от даты постановки диагноза до даты начала первой линии терапии) и ВБП (время от даты начала терапии до даты задокументированной прогрессии заболевания или смерти пациента от любой причины, в зависимости от того, что произошло раньше). Анализ выживаемости проведен с использованием метода Каплана-Мейера, различия между группами оценены с помощью лог-ранк теста. Для множественных сравнений значения *p* скорректированы с использованием поправки Бонферрони. Для оценки прогностической значимости факторов использованы однофакторный (ОФ) и многофакторный (МФ) регрессионный анализ Кокса. В МФ модели включены ковариаты с уровнем значимости *p* < 0,2 в ОФ анализе. Анализ совместной встречаемости и взаимной исключительности мутаций проведен у пациентов с наличием $\geq$ 2 мутаций в разных генах, с помощью точного критерия Фишера и поправкой на множественные сравнения. Опухолевая мутационная нагрузка (tumor mutational burden, ТМВ) у пациента определена как количество мутаций на 1 мегабазу (Mb) кодирующей последовательности. М-CHIP проанализирован как бинарный и категориальный ($\geq$ 2 мутаций vs. 1 vs. 0) предиктор. Статистически достоверными считали различия при *p* $\leq$ 0,05. Статистический анализ проведен с использованием программного обеспечения Jamovi (v.2.3.21.0), R (v.4.2.2) и R studio (v.2022.12.0).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

МУТАЦИОННЫЙ ЛАНДШАФТ ХРОНИЧЕСКОГО ЛИМФОЦИТАРНОГО ЛЕЙКОЗА

Профиль мутированных генов и активируемые сигнальные клеточные пути

После фильтрации вариантов выявлено 606 негерминальных мутаций у 73 пациентов (98,6%), затрагивающих 87 из 117 генов. Преобладающими типами установлены миссенс (68,6%), сплайс-сайт (22,8%) и нонсенс (5,0%) варианты нуклеотидных

последовательностей. Медиана мутаций, выявленных у одного пациента, составила 7 (диапазон 1–52). Один или два мутированных гена идентифицированы у 6 (8,2%) пациентов, три и четыре – у 8 (10,9%) и 10 (13,7%) больных, соответственно, а ≥ 5 мутированных генов – у 43 пациентов (58,9%).

Количество функционально измененных сигнальных клеточных путей равнялось 12. Медиана активированных сигнальных путей составила 5 (25 и 75 процентиля: 4; 6). Наибольшее количество задействованных генов отмечалось в сигнальных путях модификации хроматина – 81%, RTK/RAS – 66%, контроле клеточного цикла и повреждения ДНК – 67%, а также в клеточном пути регуляции транскрипции – 58%.

Наиболее часто мутированными генами с установленным прогностическим значением были: *NOTCH1* – 26,0%, *SF3B1* – 17,8%, *ATM* – 16,2%, *TP53* – 15,1%, *BIRC3* – 5,5% и *MYD88* – 1,4%. Мутации в генах с неустановленной прогностической ролью определялись у пациентов с частотами: *XPO1* – 17,8%, *EP300* – 11,0%, *SYK* – 9,6%, *MAP2K1* – 8,2%, *CREBBP* – 6,8%, *POT1* и *RPS15* – по 5,5%, *FBXW7* и *FAT1* – по 4,1%, *SAMHD1*, *KRAS* и *PTPN11* – по 2,7%.

Медиана VAF большинства (82,8%) выявленных мутаций в генах была $\geq 10\%$. Мутации в генах с низким ($\leq 5\%$) медианным уровнем VAF обнаружены в генах *NSD2*, *SMC1A*, *DEK*, *KRAS* и *KMT2C*, что является признаком их субклональности. При межгрупповом сравнении значимое различие отмечено в уровне VAF гена *SF3B1*: 28,7% vs. 4,4% ($p = 0,0007$) (Рисунок 2). Мутации в гене *TP53* разделены по уровню VAF: low-*TP53mut* ($\leq 10\%$) обнаружены у 28,6% пациентов, а high-*TP53mut* ($> 10\%$) – у 71,4%.

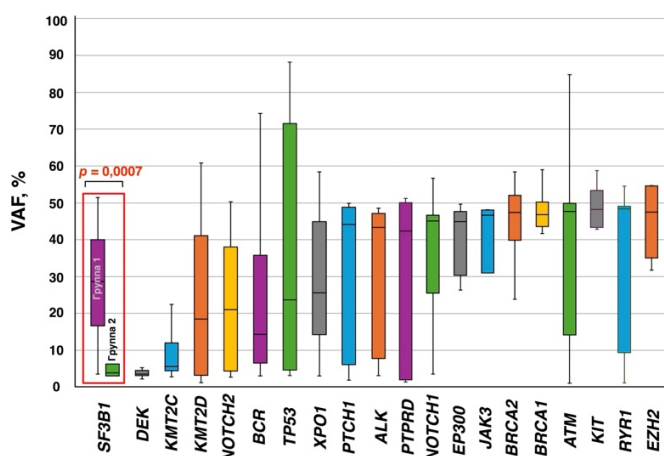

Рисунок 2 – Распределение частот вариантного аллеля (VAF) наиболее ($\geq 10\%$) мутированных генов

Примечание: Гены ранжированы согласно медианному значению VAF.

Функциональный анализ генов

Анализ обогащения генов (Рисунок 3) выполнен с использованием инструмента g:GOS (платформа g:Profiler) по следующим источникам: онтологии генов (Gene Ontology (GO)) – молекулярные функции, биологические процессы и клеточные компоненты; базы данных сигнальных путей (KEGG, Reactome, WikiPathways); регуляторные мотивы ДНК (TRANSFAC, mirTarBase); базы данных белков (Human Protein Atlas, CORUM) и онтология фенотипов человека (Human Phenotype Ontology). Гены всего генома использованы в качестве фона обогащения.

Исследуемые гены значимо ассоциированы со следующими молекулярными функциями (GO:MF): связывания ДНК ($p = 1,72E-14$), активностью трансфераз ($p = 8,23E-11$), транскрипционными факторы ($p = 2,88E-10$), связывания гистонов ($p = 0,0049$), что в совокупности указывает на изменение эпигенетической регуляции в патогенезе ХЛЛ.

Категории биологических процессов (GO:BP) значимо обогащены исследуемыми генами: кроветворение ($p = 4,76E-26$), организация хромосом ($p = 9,67E-6$), транспорт

между ядром и цитоплазмой ($p = 0,0021$), что отражает нарушение дифференцировки В-лимфоцитов и геномную нестабильность.

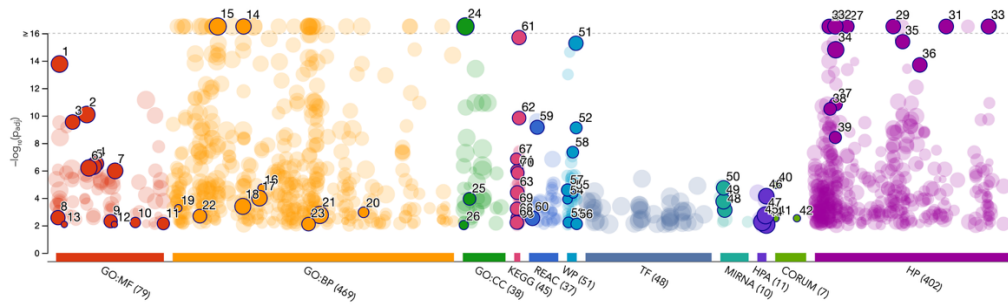

Рисунок 3 – График Manhattan-plot функционального анализа обогащения генов ХЛЛ

Примечания: Ось X представляет функциональные термины, которые сгруппированы и окрашены в соответствии с источниками данных. Расположение терминов на оси X фиксировано и термины из одного поддерева GO находятся ближе друг к другу. Ось Y показывает скорректированные на множественные сравнения p -значения обогащения в отрицательной логарифмической шкале по основанию 10 [$-\log_{10}(\text{padj})$]. Размеры точек соответствуют размеру термина – более крупные термины представлены большими точками. Все точки представляют $p \leq 0,01$. Точки, обозначенные насыщенным цветом, границей черного цвета и числовым идентификатором, являются значимыми. График отображен в «ограниченном» (capped) режиме, который «собирает» точки с p -значениями меньше [$-\log_{10}(16)$], что фиксирует масштаб оси Y, а также позволяет сгруппировать значения меньше данного порога как высоко значимые.

Клеточные компоненты (GO:CC) с высокой степенью значимости ассоциированные с генами: нуклеоплазма ($p = 4,37E-19$), цитоплазматическая сторона мембраны клетки ($p = 0,0001$), рецепторный комплекс ($p = 0,0116$), что подчеркивает роль сигнальных клеточных путей в патогенезе ХЛЛ.

Наиболее обогащенными сигнальными путями являлись: общие пути при раке ($p = 2,031E-16$), клеточный цикл ($p = 1,048E-6$), резистентность к ингибиторам EGFR тирозинкиназы ($p = 1,409E-7$), ATM сигнальный путь ($p = 0,0059$), MAPK сигнальный путь ($p = 0,006$), регуляция микроРНК при раке ($p = 1,481E-10$), JAK-STAT сигнальный путь ($p = 1,494E-6$).

МикроРНК значимо связанные с генами при ХЛЛ: hsa-miR-21-5p ($p = 0,00074$), hsa-miR-155-5p ($p = 0,00017$), hsa-miR-181a-5p ($p = 0,000018$). Существенное количество генов ассоциировано с комплексами белков: когезин-SA2 ($p = 0,000011$), когезин-SA1 ($p = 0,0029$) и DDX11-RAD21-SMC1A-SMC3 ($p = 0,0029$).

Гены миелоидного клонального гемопоэза неопределенного потенциала

В исследуемой когорте у 67% ($n = 49$) пациентов с ХЛЛ мутации выявлены в 74% (28/38) генов М-CHIP. Частота мутаций в генах М-CHIP у пациентов группы 1 составила 70,0% (95% ДИ: 56,8–83,2), что значительно чаще, чем в общей популяции – 5,8% [Niroula A. et al., 2021] ($p < 0,0001$). В то время как у Р/Р пациентов (группа 2), частота М-CHIP – 58,3% (95% ДИ: 37,1–79,6), без значимых различий между группами ($p = 0,321$).

У большинства пациентов идентифицировано ≥ 2 М-CHIP мутаций (Рисунок 4 А). Наиболее часто мутированные гены: *KIT* – 24,5%, *EZH2* – 20,4% и по 16,3% – *EP300*, *GNAS* и *CUX1*, без значимых различий между группами (Рисунок 4 Б). У 16% ($n = 5$) выявлено сочетание мутаций в генах *KIT:EZH2* ($p = 0,0025$). Больше всего отмечалось со-возникновение мутаций в парах с геном *EZH2* – *EZH2:CUX1* (13%; $p = 0,0016$), *EZH2:EP300* (10%; $p = 0,037$), *EZH2:IDH1* (10%; $p = 0,018$), *EZH2:ASXL1* (10%; $p = 0,0069$).

Известно, что наличие мутаций в генах М-CHIP ассоциировано с риском развития соматической патологии [Jaiswal S. et al., 2017; Niroula A. et al., 2021]. В исследуемой когорте оценена распространенность ССЗ и миелоидных неоплазий. Частота ССЗ у пациентов с М-CHIP составила 55,1% по сравнению с 41,7% у пациентов без М-CHIP, без различий между группами (отношение рисков (hazard ratio, HR) 0,58; 95% ДИ: 0,21–1,56). Миелоидные новообразования диагностированы у 4% ($n = 2$) пациентов с М-CHIP и у одного пациента

без M-СНIP. Принимая во внимание время наблюдения и рассматривая смерть как конкурирующий риск, разницы в кумулятивной заболеваемости между группами не зафиксировано ($p = 0,89$).

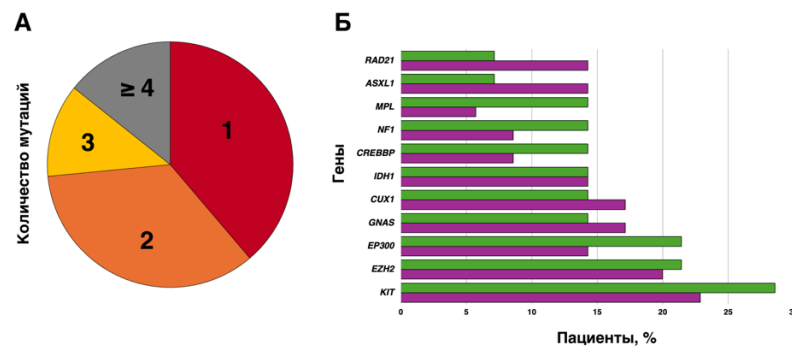

Рисунок 4 – Частота генов M-СНIP в группах пациентов ХЛЛ

Опухолевая мутационная нагрузка

Длина экзонов генов таргетной панели составила 602917 п.о. (0,603 Mb). В анализ TMB включены пациенты группы 1, где для каждого пациента величина TMB рассчитана по следующей формуле (1):

$$TMB = \frac{(A + B + C + \dots)}{0,603}, \quad (1)$$

где $(A + B + C + \dots)$ – сумма мутаций в генах каждого пациента, мут.;
0,603 – длина экзонов исследуемых генов, Mb.

С применением анализа максимально выделенной ранговой статистики установлено пороговое значение TMB равное 13 мут./Mb. Выбранный порог максимизирует статистическую значимость различий между группами при сохранении достаточного объема выборки. Пациенты разделены на две группы: пациенты с низкой TMB (до 12 включительно мут./Mb.) – 74% ($n = 37$) и пациенты с высокой TMB (13 и более мут./Mb.) – 26% ($n = 13$). Обе группы значимо не различались ($p > 0,1$) по полу, возрасту, стадии заболевания и длительности наблюдения с момента выполнения NGS.

Ассоциация мутаций с клинико-биологическими характеристиками

Ключевые клинико-биологические параметры и мутированные гены отображены на Рисунке 5. В группе 1 мутированные гены *POT1* ($p = 0,041$) и *RPS15* ($p = 0,041$) чаще встречались у пациентов женского, чем мужского пола. Мутированный *NOTCH1* значительно чаще выявлен у больных ≤ 65 лет ($p = 0,04$), в то время как *SYK* ($p = 0,005$) – у лиц старше 65 лет. Мутации в гене *BCR* связаны с высоким ($\geq 20\%$) уровнем экспрессии CD38+ ($p = 0,016$), чем с низким.

Наличие M-IGHV варианта ХЛЛ ассоциировано с мутациями в генах *ALK* ($p = 0,009$), *KDR* ($p = 0,02$), *MAP2K1* и *SYK* ($p = 0,04$, каждый) (Рисунок 6 А). Поликлональный IGHV значительно чаще определен у пациентов с мутированным *TP53* ($p = 0,032$).

Выявление del(17p) ассоциировано с мутированным геном *BRAF* ($p = 0,031$), а del(11q) – с мутированным геном СПТА ($p = 0,008$). Наличие (+12) преимущественно выявлялось при мутациях в гене *ABL1* ($p = 0,007$). КК 3+ наиболее часто обнаружен при мутациях в гене *BIRC3* ($p = 0,001$). Повышенный уровень опухолевых клеток с del(17p) (медиана 63,8% (25 и 75 перцентили: 27,0;92,8)) ассоциирован с наличием мутаций в гене *TP53* с высоким уровнем VAF, high-TP53mut, $p = 0,05$.

Наличие мутаций в генах M-СНIP в группе 1 наиболее часто отмечено у пациентов с M-IGHV – *EP300* ($p = 0,02$), *SETBP1* и *SMCA1* ($p = 0,004$, каждый) (Рисунок 6 Б); del(17p) – *CREBBP* ($p = 0,05$); del(11q) – *SMC3* ($p = 0,037$); (+12) – *SETBP1* ($p = 0,007$); КК 3+ – *SMCA1* ($p = 0,039$).

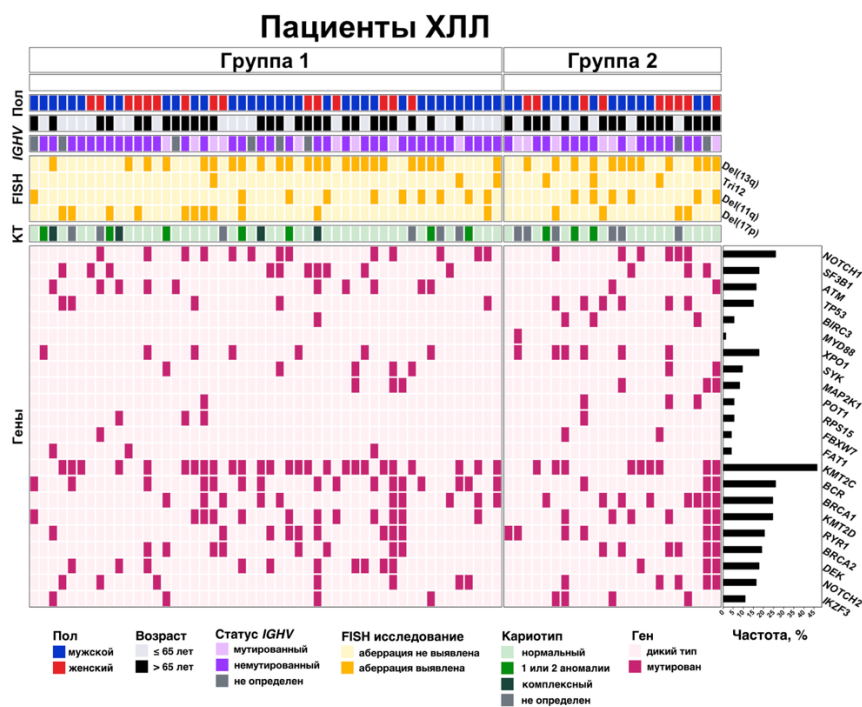

Рисунок 5 – Тепловая карта (heatmap) распространенности клинико-биологических характеристик и мутаций в генах пациентов ХЛЛ (n = 73)

Примечания: del(13q) – делеция длинного плеча 13 хромосомы; del(11q) – делеция длинного плеча 11 хромосомы; del(17p) – делеция короткого плеча 17 хромосомы; Tr12 – трисомия 12 хромосомы; FISH – флюоресцентная in-situ гибридизация; IGHV – варибельные области тяжелых цепей иммуноглобулинов; NGS – секвенирование нового поколения; КТ – кариотип.

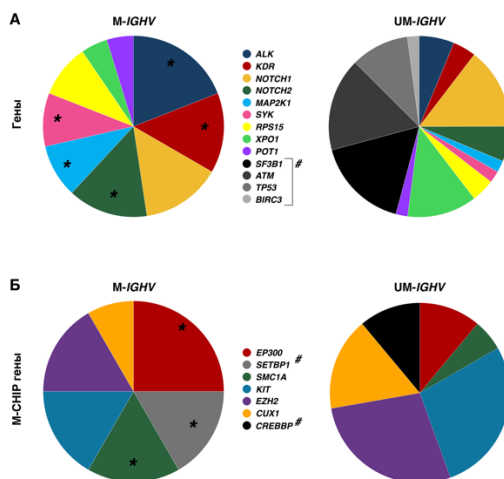

Рисунок 6 – Частота мутированного статуса IGHV у нелеченых пациентов ХЛЛ (группа 1) в зависимости от мутаций в генах

Примечания: M-IGHV – мутированный вариант ХЛЛ; UM-IGHV – немутированный вариант ХЛЛ.
 * $p < 0,05$; # отмечены гены, которые встречались исключительно при одном из IGHV вариантов ХЛЛ.

В группе 2 мутированный *ALK* чаще встречался у пациентов женского пола ($p = 0,021$). Мутированные *DEK* ($p = 0,034$) и *PDGFRA* ($p = 0,012$) значительно чаще выявлялись у больных старше 65 лет. Наличие del(11q) статистически значимо связано с мутированным статусом генов *KMT2D* ($p = 0,001$), *KDR* ($p = 0,013$) и *JAK3* ($p = 0,014$). При выявлении (+12) наиболее часто мутировали гены *MEF2B* и *STAT6* ($p = 0,001$, каждый).

Наличие мутаций в генах M-CHIP в группе 2 наиболее часто отмечено у пациентов с del(17p) – *SETBP1* и *STAG2* ($p = 0,026$, каждый); del(11q) – *EP300* и *GNAS* ($p = 0,013$, каждый). Паттерны значимого со-возникновения отображены на Рисунке 7.

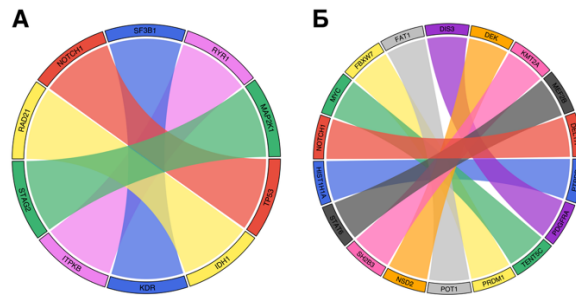

Рисунок 7 – Паттерны со-возникновения генетических аномалий у пациентов ХЛЛ с М-СНIP (А) и без мутаций в генах М-СНIP (Б).

Примечание – Каждая «лента» соединяет два биомаркера, между которыми обнаружено статистически значимое взаимодействие ($p \leq 0,05$) после коррекции на множественные сравнения.

ПРОГНОСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЫЯВЛЕННЫХ МУТАЦИЙ

Время до начала первой линии терапии

Паттерны ВТ1 проанализированы у больных группы 1, которым исследование NGS выполнено до Т1. Медиана ВТ1 составила 2,5 лет (95% ДИ: 1,1–3,4).

Двухлетняя ВТ1 у больных с *del(11q)* составила 80,0% (95% ДИ: 31,9–94,2; медиана 2,8 мес.) по сравнению с 35,0% (95% ДИ: 19,4–49,2; медиана не достигнута) у пациентов без *del(11q)*. При определении высокого уровня экспрессии CD38+ (HR 1,9; 95% ДИ: 1,1–3,7; $p = 0,05$) 2-летняя ВТ1 составила 60,0% (95% ДИ: 25,7–78,5; медиана 1,1 год) по сравнению с 40,6% (95% ДИ: 20,9–55,4; медиана не достигнута) без выявления высокого уровня экспрессии CD38+. Наличие *UM-IGHV* (HR 2,4; 95% ДИ: 1,1–5,8; $p = 0,05$) и множественных дискордантных клонов (≥ 2) с мутациями в гене *IGHV* (HR 3,1; 95% ДИ: 1,1–8,6; $p = 0,03$), ВТ1 составила 45,7% (медиана 2,1 год) и 80,0% (медиана 3,8 мес.), соответственно. Двухлетняя ВТ1 при мутированном статусе гена *IKZF3* достигает 75,0% (95% ДИ: 0–95,4; медиана 6,6 мес.) по сравнению с 41,3% (95% ДИ: 25,2–53,9; медиана 2,6 лет) у пациентов с диким типом гена *IKZF3* (HR 2,8; 95% ДИ: 1,1–8,0; $p = 0,05$). Мутации в гене *KRAS* ассоциированы с сокращением медианы ВТ1 до 3,3 мес. по сравнению с медианой равной 2,8 годам при диком типе *KRAS* (HR 3,1; 95% ДИ: 1,1–10,4; $p = 0,043$).

М-СНIP как бинарный предиктор не оказывал значимого влияния на ВТ1 (HR 1,9; 95% ДИ: 0,9–3,7; $p = 0,07$). М-СНIP ≥ 2 являлся предиктором укорочения ВТ1 (HR 2,1; 95% ДИ: 1,1–4,4; $p = 0,05$). В отсутствии мутаций в генах М-СНIP медиана ВТ1 составила 3,3 года (95% ДИ: 2,6–NR), при наличии одной мутации – 2,7 лет (95% ДИ: 2,6–NR), а при ≥ 2 мутациях в генах М-СНIP – 5,8 мес. (95% ДИ: 0,33–3,92). Примечательно, что сокращение ВТ1 наиболее значимо при наличии 4 мутаций М-СНIP (HR 6,5; 95% ДИ: 1,9–21,9; $p = 0,003$), чем при их отсутствии ($p = 0,025$) (Рисунок 8).

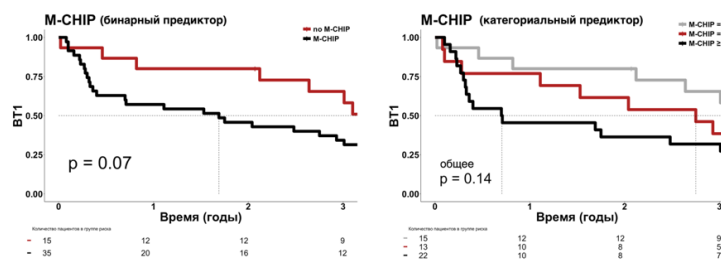

Рисунок 8 – Кривые Каплан-Майера ВТ1 по М-СНIP как бинарному и категориальному предиктору

Примечания: М-СНIP – наличие мутаций М-СНIP; no М-СНIP – отсутствие мутаций М-СНIP.

Во многофакторных (МФ) моделях независимое влияние на ВТ1 оказывали ≥ 2 мутаций в генах М-СНIP ($p = 0,028$) и *UM-IGHV* ($p = 0,027$) (Рисунок 9 А) и высокая ТМВ ($p = 0,004$) (Рисунок 9 Б).

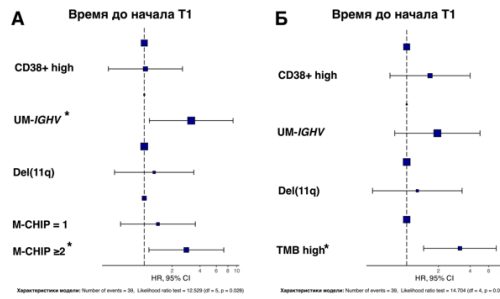

Рисунок 9 – Форест-график регрессионного анализа ВТ1 М-CHIP (А) и ТМВ (Б)

Примечания: М-CHIP – миелоидный клональный гемопоэз неопределенного потенциала; ТМВ – опухолевая мутационная нагрузка; CD38+high – высокий уровень экспрессии CD38; UM-IGHV – немутированный статус *IGHV*; del(11q) – делеция длинного плеча 11 хромосомы; CI – доверительный интервал; HR – отношение рисков; * – $p \leq 0,05$.

Выявление мутаций в генах М-CHIP не влияло на ВТ1 в зависимости от мутационного статуса *IGHV*. При наличии ≥ 2 мутаций М-CHIP + М-*IGHV* в течение двух лет 33,3% (95% ДИ: 62,1–100, медиана не достигнута) пациентов начата Т1, а среди пациентов с ≥ 2 мутациями М-CHIP + UM-*IGHV* – 75,0% (95% ДИ: 33,4–90,6, медиана 3,2 мес.), $p = 0,17$. Однако, у пациентов с UM-*IGHV* наличие высокой ТМВ значимо сокращало ВТ1. В течении двух лет Т1 инициирована 36,0% (95% ДИ: 14,1–52,3, медиана 2,3 мес.) больным ХЛЛ с низкой ТМВ + UM-*IGHV* по сравнению с 70,0% (95% ДИ: 22,7–88,4, медиана 2,7 лет) пациентов с высокой ТМВ + UM-*IGHV*, $p = 0,0068$ (Рисунок 10).

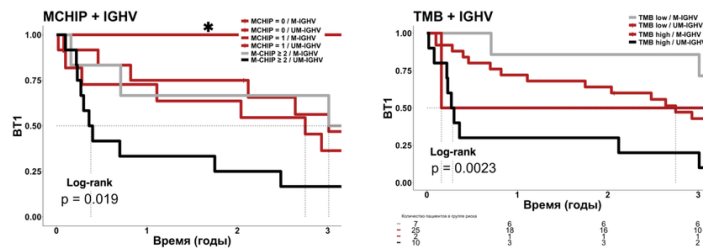

Рисунок 10 – Кривые Каплан-Майера ВТ1 в группе 1 по М-CHIP + *IGHV* и уровню ТМВ + *IGHV*

Примечания: М-CHIP – миелоидный клональный гемопоэз неопределенного потенциала; ТМВ low – низкий уровень опухолевой мутационной нагрузки; ТМВ high – высокий уровень опухолевой мутационной нагрузки; М-*IGHV* – мутированный статус *IGHV*; UM-*IGHV* – немутированный статус *IGHV*; * – отмечены две перекрывающиеся кривые Каплан-Майера (М-CHIP = 0 + М-*IGHV* и М-CHIP = 0 + UM-*IGHV*).

Также предикторами сокращения ВТ1, вне зависимости от наличия маркеров с уже установленным прогностическим значением, в МФ моделях являлись мутированные гены *ASXL1* ($p = 0,034$) и *IKZF3* ($p = 0,001$) (Рисунок 11).

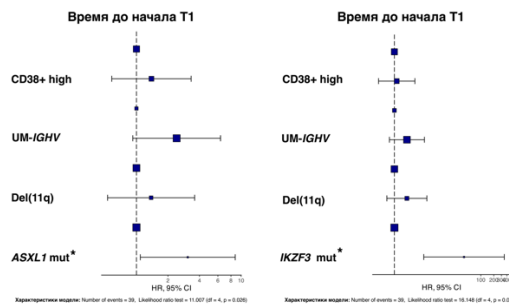

Рисунок 11 – Форест-график регрессионного анализа ВТ1 мутированных *ASXL1* и *IKZF3*

Примечания: CD38+high – высокий уровень экспрессии CD38; UM-*IGHV* – немутированный статус *IGHV*; del(11q) – делеция длинного плеча 11 хромосомы; CI – доверительный интервал; HR – отношение рисков; * – $p \leq 0,05$.

Общая выживаемость

Медиана ОБ-NGS группы 1 не достигнута, 5-летняя ОБ-NGS составила 82,1% (95% ДИ: 68,2–98,8). Медиана ОБ-NGS группы 2 составила 9,6 лет (95% ДИ: 8,1–NR). В ОФ регрессионных моделях установлено сокращение ОБ в группе 1 при детекции (+12) (HR 5,9; 95% ДИ: 1,1–37,1; $p = 0,05$) (Рисунок 12).

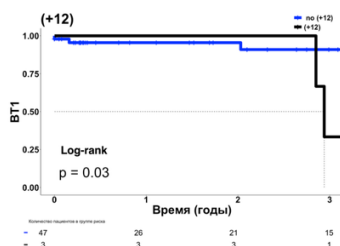

Рисунок 12 – Кривые Каплан-Майера ОБ в группе 1 по наличию трисомии 12 хромосомы

Примечание – (+12) – наличие трисомии 12 хромосомы; (-12) – отсутствие трисомии 12 хромосомы.

Выявлена тенденция к сокращению ОБ в группе 2 при мутациях в гене *PTPRD* (HR 4,9; 95% ДИ: 1,1–24,9; $p = 0,05$) и к удлинению ОБ при интервале до начала T2 > 24 мес. (HR 0,1; 95% ДИ: 0,1–0,7; $p = 0,027$) (Рисунок 13).

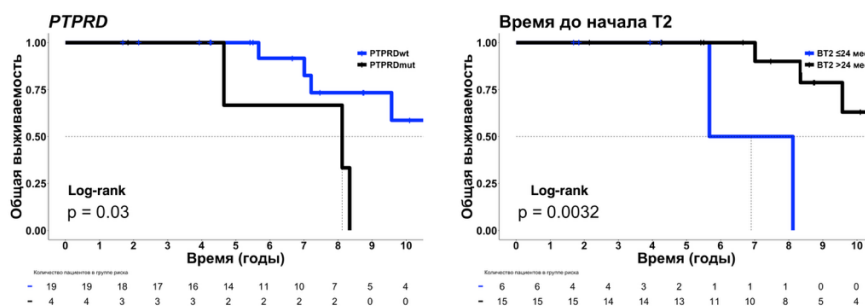

Рисунок 13 – Кривые Каплан-Майера ОБ в группе 2 по мутационному статусу гена *PTPRD* и продолжительности ответа на T1

Примечание – *PTPRDmut* – мутированный ген *PTPRD*; *PTPRDwt* – дикий тип гена *PTPRD*.

Для группы 1 и группы 2 построенные МФ модели не были значимыми, что вероятно обусловлено низкой частотой событий ($n = 5$ и $n = 9$, соответственно). Учитывая значение медианы наблюдения за когортой с момента выполнения NGS (3,1 года) и несмотря на достижение статистической значимости для каждого из исследуемых факторов, невозможно сделать надежный вывод о влиянии (+12), мутаций в гене *PTPRD* и $T2 > 24$ мес. на ОБ у пациентов ХЛЛ.

Выживаемость без прогрессии

Медиана ВБП группы 1 не достигнута, для группы 2 медиана ВБП составила 3,6 лет (95% ДИ: 2,3–5,3).

В группе 1 наличие (+12) связано с риском сокращения ВБП в 6,2 раза (HR 6,2; 95% ДИ: 1,2–32,0; $p = 0,003$). Двухлетняя ВБП у больных с (+12) составила 33,3% (95% ДИ: 6,7–100; медиана 1,2 года) по сравнению с 85,6% (95% ДИ: 75,6–97,0; медиана не достигнута) у пациентов без (+12). Двухлетняя ВБП при мутированном статусе гена *BCR* не превышала 66,0% (95% ДИ: 45,7–95,4; медиана 2,1 год) в сопоставлении с 90,2% (95% ДИ: 80,3–100; медиана не достигнута) у пациентов с диким типом гена *BCR* (HR 3,8; 95% ДИ: 1,3–11,8; $p = 0,019$). При развитии рецидива после T1, 2-летняя ВБП составила 62,5% (95% ДИ: 36,5–100; медиана 2 года) по сравнению с 86,3% (95% ДИ: 75,8–100; медиана не достигнута) у пациентов без рецидивов (HR 9,9; 95% ДИ: 3,2–31,2; $p < 0,001$). Достижение общего ответа (ПР+ЧР) на T1 значимо увеличивало ВБП (HR 0,2; 95% ДИ: 0,1–

0,7; $p = 0,009$). Двухлетняя ВБП составила 89,2% (95% ДИ: 79,7–99,8; медиана не достигнута) сравнительно с 42,9% (95% ДИ: 18,2–100; медиана 1,4 года) у пациентов, не достигших общего ответа.

В группе 2, двухлетняя ВБП при мутированном статусе гена *BCR* составила 33,3% (95% ДИ: 6,7–100; медиана 3,8 мес.) в сравнении с 75,0% (95% ДИ: 58,2–96,6; медиана не достигнута) у пациентов с диким типом гена *BCR* (HR 4,0; 95% ДИ: 1,1–15,1; $p = 0,039$). При детекции мутаций в гене *IKZF3* 2-летняя ВБП составила 33,3% (95% ДИ: 4,6–100; медиана 1,1 год) по сравнению с 78,9% (95% ДИ: 62,6–99,6; медиана не достигнута) у пациентов с диким типом гена *IKZF3* (HR 3,9; 95% ДИ: 1,2–12,8; $p = 0,027$). Мутированный ген *KMT2C* значительно сокращает ВБП ($p = 0,013$). Двухлетняя ВБП при мутированном статусе гена *KMT2C* составила 44,4% (95% ДИ: 21,4–92,3; медиана 1,7 лет) сравнительно с 85,7% (95% ДИ: 69,2–100; медиана не достигнута) у пациентов с диким типом гена *KMT2C* (HR 4,0; 95% ДИ: 1,1–15,1; $p = 0,039$). Мутированный статус гена *SF3B1* также значительно сокращал показатель ВБП ($p = 0,018$). Двухлетняя ВБП при мутированном статусе гена *SF3B1* достигла 33,3% (95% ДИ: 6,7–100; медиана 7,4 мес.) по сравнению с 75,0% (95% ДИ: 58,2–96,6; медиана не достигнута) у пациентов с диким типом гена *SF3B1* (HR 4,6; 95% ДИ: 1,2–17,8; $p = 0,03$). Наличие субклональных драйверных мутаций оказывает негативное влияние на показатель ВБП ($p = 0,013$). Двухлетняя ВБП была 44,4% (95% ДИ: 21,4–92,3; медиана 3,8 мес.) по сравнению с 85,7% (95% ДИ: 69,2–100; медиана не достигнута) у пациентов без них (HR 3,1; 95% ДИ: 1,2–7,9). Более позднее начало Т2 является благоприятным прогностическим маркером ($p = 0,031$). При начале Т2 > 24 мес. 2-летняя ВБП составила 93,3% (95% ДИ: 81,5–100; медиана не достигнута) против 16,7% (95% ДИ: 2,8–100; медиана 5,8 мес.) при начале последующей терапии в период ≤ 24 мес. (HR 0,3; 95% ДИ: 0,1–0,9; $p = 0,04$).

В МФ моделях, в группе 1 мутации в гене *BCR* являются предиктором ухудшения ВБП ($p = 0,019$) вне зависимости от *IGHV* варианта ХЛЛ и вне зависимости от наличия (+12), $p = 0,05$ (Рисунок 14).

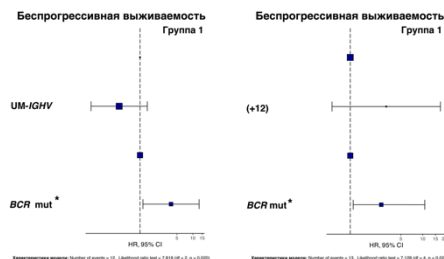

Рисунок 14 – Форест-график регрессионного анализа ВБП гена *BCR*

Примечания: UM-*IGHV* – немутированный статус *IGHV*; mut – мутированный ген; wt – дикий тип гена; CI – доверительный интервал; HR – отношение рисков; * – $p \leq 0,05$.

В группе 2 мутированный ген *IKZF3* ($p = 0,010$) сохранял неблагоприятное прогностическое значение при наличии мутаций в генах *BCR*, *KMT2C* и *SF3B1* (Рисунок 15 А).

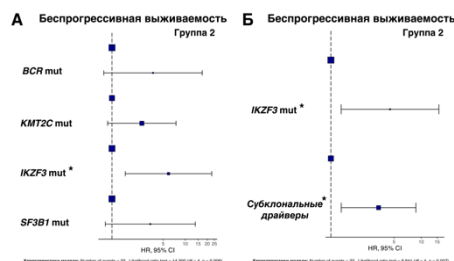

Рисунок 15 – Форест-график регрессионного анализа ВБП генов *BCR*, *IKZF3*, *KMT2C*, *SF3B1* и наличия субклональных драйверов

Примечания: mut – мутированный ген; wt – дикий тип гена; CI – доверительный интервал; HR – отношение рисков; * – $p \leq 0,05$.

Наличие субклональных драйверов ($p = 0,012$) и мутаций в гене *IKZF3* ($p = 0,018$) являются независимыми друг от друга неблагоприятными прогностическими маркерами сокращения ВБП (Рисунок 15 Б).

При наличии мутаций в гене *IKZF3* + субклональных драйверов, 1-летняя ВБП составила 50,0% (95% ДИ: 12,5–100, медиана 5,8 мес.), а среди пациентов без мутаций в гене *IKZF3* и при отсутствии субклональных драйверов – 91,6% (95% ДИ: 77,3–100, медиана не достигнута), $p = 0,0065$. Время до начала Т2 > 24 мес. оставалось независимым предиктором улучшения показателя ВБП несмотря на наличие субклональных мутаций, $p = 0,012$ (Рисунок 16). Однолетняя ВБП ВТ2 ≤ 24 мес./СД+ составила 33,3% (95% ДИ: 51,6–100, медиана 3,8 мес.), в то время как у пациентов с ВТ2 > 24 мес. / СД+ была 80,0% (95% ДИ: 67,3–100, медиана 2,6 лет).

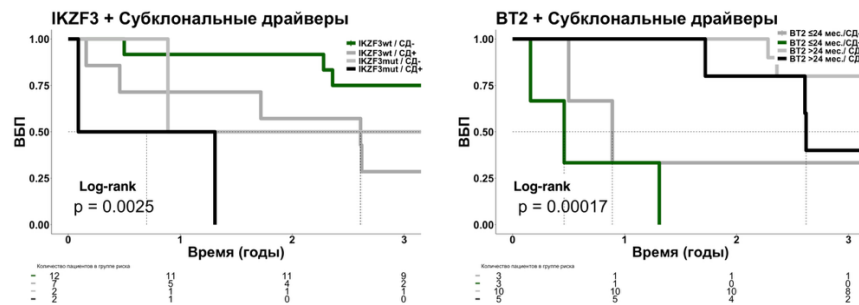

Рисунок 16 – Кривые Каплан-Майера ВБП группе 2 по *IKZF3* + субклональным драйверам ВТ2 + субклональным драйверам

Примечания: mut – мутированный ген; wt – дикий тип гена; ВТ2 – время до начала второй линии терапии; СД- – отсутствие субклональных драйверов; СД+ – наличие субклональных драйверов.

ВЫВОДЫ

1. Таргетная NGS панель охватывает гены, вовлеченные в ключевые сигнальные клеточные пути и ассоциированные с ХЛЛ. Клиническая валидность и диагностическая эффективность кастомной NGS панели подтверждена выявлением клинически значимых мутаций у 98,6% пациентов. Возможность детектировать мутации с низким уровнем аллельной частоты свидетельствует о высокой аналитической чувствительности таргетной панели.

2. Фильтрация и аннотация вариантов нуклеотидных последовательностей с использованием разработанного алгоритма позволяет выделять соматические варианты, включая выделение мутаций в генах М-СНIP, в условиях, когда попарное секвенирование герминальной ДНК технически или экономически не выполнимо.

3. Выявлена гетерогенность геномного профиля больных ХЛЛ, которая характеризуется спектром частых мутаций (*NOTCH1*, *SF3B1*, *XPO1*, *ATM*, *TP53* и *EP300*) и наличием субклональных драйверных вариантов (*NSD2*, *SMC1A*, *DEK*, *KRAS* и *KMT2C*) с низким уровнем VAF. Паттерны со-возникновения генетических аномалий у больных ХЛЛ, в частности, ассоциация del(17p) с мутациями в гене *TP53* с VAF > 10% и генах *BRAF*, *NOTCH1*, а также связь между поликлональным *IGHV* и мутированным геном *TP53*, М-*IGHV* с мутированными генами *ALK*, *KDR*, *MAP2K1* и *SYK*, подчеркивают комплексность молекулярного ландшафта ХЛЛ. Определение порогового значения опухолевой мутационной нагрузки (ТМВ) на уровне 13 мутаций/Мб предоставляет интегральный количественный показатель мутационного профиля ХЛЛ для дальнейшей стратификации пациентов.

4. Неблагоприятными биомаркерами сокращения времени до инициации противоопухолевой терапии первой линии больных ХЛЛ являлись: UM-*IGHV*, мутированный ген *IKZF3* и высокая опухолевая мутационная нагрузка. Факторами,

ухудшающими показателем ВВП, были мутированный ген *IKZF3* и наличие субклональных драйверных мутаций.

5. Мутации в генах М-СНП встречаются у больных ХЛЛ достоверно чаще по сравнению с общей популяцией. Наиболее часто мутированными генами были *KIT* и *EZH2*, без значимых различий между ранее не получавшими терапию и Р/Р пациентами с ХЛЛ. Более 60% больных ХЛЛ имели множественные сочетанные мутации. У пациентов, ранее не получавших терапию первой линии, мутированный *ASXL1* и ≥ 2 мутаций в генах М-СНП являются независимыми неблагоприятными факторами ранней инициации противоопухолевой терапии первой линии. Влияния М-СНП мутаций на показатели общей и беспрогрессивной выживаемости не установлено.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Пациентам с впервые диагностированным хроническим лимфоцитарным лейкозом, а также при развитии рецидива и/или рефрактерности к противоопухолевым программам терапии, в том числе таргетными препаратами, рекомендовано определять мутационный статус генов с применением методов высокопроизводительного секвенирования для определения биомаркеров неблагоприятного прогноза. Выявление мутированных *IKZF3*, *ASXL1*, ≥ 2 мутаций в генах М-СНП и высокой ТМВ в результате секвенирования, целесообразно учитывать при принятии решения о тактике ведения пациента.

2. Для определения соматических вариантов в условиях отсутствия технической и экономической возможности попарного секвенирования герминальной ДНК рекомендовано использование предлагаемого алгоритма ранжирования вариантов нуклеотидной последовательности.

3. Выявление мутаций в генах М-СНП требует активного наблюдения за больными ХЛЛ врачом-гематологом и профильными специалистами в связи с многократным риском развития соматической патологии: сахарного диабета 2-го типа, хронической обструктивной болезни легких, венозных тромбозов, сердечно-сосудистых и аутоиммунных заболеваний, а также миелоидных неоплазий.

4. Полученные в работе данные свидетельствуют, что мутации в генах М-СНП ассоциированы с неблагоприятными прогностическими маркерами заболевания (*del(17p)* и *del(11q)*). Необходимо учитывать, что частота мутаций в генах М-СНП связана с возрастом и предшествующим химиотерапевтическим воздействием. Применение таргетных лекарственных препаратов позволит снизить частоту развития данных мутаций.

5. Мутационный профиль ХЛЛ – гетерогенен, выявлено значительное количество редких мутаций с неустановленным прогностическим значением. Рекомендовано создание и ведение национального регистра больных ХЛЛ, что позволит сформировать репрезентативную базу данных для оценки распространенности и прогностической роли редких мутаций в генах пациентов с ХЛЛ.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАЗРАБОТКИ ТЕМЫ

Полученные в рамках настоящего диссертационного исследования данные подчеркивают необходимость углубленного изучения молекулярных основ ХЛЛ с целью оптимизации прогностических моделей и персонализации терапевтических стратегий. Актуальными направлениями дальнейших исследований являются:

1. Расширение когорты пациентов для уточнения клинической значимости редких мутаций, а также выявления новых молекулярно-генетических маркеров, выявляемых методом NGS, которые ассоциированы с прогнозом и ответом на противоопухолевую терапию.

2. Изучение клональной эволюции ХЛЛ позволит определить молекулярные паттерны ранней резистентности/рефрактерности к противоопухолевой терапии и оценить возможности использования новых таргетных препаратов и их комбинаций.

3. Определение эпигенетических подтипов ХЛЛ с выявлением драйверов агрессивного течения заболевания и поиском мишеней для эпигенетической терапии.
4. Создание нейросетевых алгоритмов для интеграции и интерпретации большого пласта мультиомных данных и клинических параметров заболевания.
5. Разработка консенсус-протоколов по аннотации мутаций и проведение стандартизации алгоритмов клинической интерпретации результатов таргетного секвенирования нового поколения.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Из перечня, рекомендованного ВАК

1. Михалева, М. А. Секвенирование нового поколения как метод познания природы хронического лимфолейкоза и перехода к персонализированной терапии / М. А. Михалева, И. С. Мартынкевич, И. А. Булдаков [и др.] // Гематология. Трансфузиология. Восточная Европа. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 176–190.
2. Vijenthira, A. Myeloid clonal hematopoiesis of indeterminate potential in patients with chronic lymphocytic leukemia / A. Vijenthira, V. O. Volpe, A. Sekar [et al.] // Blood Advances. – 2024. – Vol. 8, № 23. – P. 5949–5956.
3. Михалева, М. А. Хронический лимфоцитарный лейкоз: геномный ландшафт и сигнальные клеточные пути / М. А. Михалева, Е. О. Куневич, А. Ю. Кувшинов [и др.] // Клиническая онкогематология. Фундаментальные исследования и клиническая практика. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 21–37.
4. Куневич, Е. О. Феномен клонального гемопоэза: этиология, классификация и прогностическая роль / Е. О. Куневич, М. А. Михалева, О. Б. Крысюк [и др.] // Онкогематология. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 28–54.
5. Yoon, J. T. Characteristics and outcomes of patients with double refractory and double exposed chronic lymphocytic leukemia / J. T. Yoon, Y. Zhou, M. Mikhaleva [et al.] // Blood Advances. – 2025. – Vol. 9, № 11. – P. 2808–2817.
6. Государственная регистрация базы данных № 2025622639 Российская Федерация. Гены сигнальных клеточных путей хронического лимфоцитарного лейкоза : № 2025620793 : заявл. 11.03.2025 : опубл. 19.06.2025 / Михалева М.А.; заявитель и патентообладатель ФГБУ РосНИИГТ ФМБА России. – Бюл. № 6. – 1 с.
7. Mashima, K. Mutations and translocations associated with venetoclax resistance in chronic lymphocytic leukemia / K. Mashima, Y. Kuang, S. M. Fernandes [et al.] // Leukemia. – 2025. – Vol. 39. – P. 2026–2029.

В прочих источниках

8. Mikhaleva, M. How we treat patient with chronic lymphocytic leukemia and acute myeloid leukemia developed from myelodysplastic syndrome (PB1751) / M. Mikhaleva, A. Kuvshinov, A. Kuzyaeva [et al.] // HemaSphere. – 2019. – Vol. 3, Suppl. 1. – P. 805.
9. Кувшинов, А. Ю. Современные представления о CAR-T клеточной терапии / А. Ю. Кувшинов, С. В. Волошин, А. А. Кузяева [и др.] // Вестник гематологии. – 2019. – Т. 15, №2. – С. 4–13.
10. Михалева, М. А. Возможности секвенирования нового поколения при исследовании мутационного статуса больных хроническим лимфолейкозом / М. А. Михалева, И. С. Мартынкевич, И. А. Булдаков [и др.] // Вестник гематологии. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 57–63.
11. Mikhaleva, M. Next-generation sequencing targeted chronic lymphocytic leukemia panel: a pilot study / M. Mikhaleva, I. Martynkevich, S. Petrov [et al.] // Blood. – 2020. – Vol. 136, Suppl. 1. – P. 19.
12. Mikhaleva, M. Targeted multigene panel: next-generation sequencing in chronic lymphocytic leukemia (PB2427) / M. Mikhaleva, I. Martynkevich, E. Motyko [et al.] // HemaSphere. – 2021. – Vol. 5, Suppl. 2. – P. 711–712.

13. Михалева, М. А. Секвенирование нового поколения в изучении хронического лимфолейкоза / М. А. Михалева, И. С. Мартынкевич, Е. В. Мотыко [и др.] // Гематология и трансфузиология. – 2022. – Т. 67, № S2. – С. 128.
14. Мотыко, Е. В. Генетические aberrации у больных хроническим лимфоцитарным лейкозом и их влияние на прогноз течения заболевания / Е. В. Мотыко, М. А. Михалева, С. В. Волошин [и др.] // Злокачественные опухоли. – 2023. – Т. 13, № 3s1. – С. 213.
15. Mikhaleva, M. Sex bias in mutational landscape of chronic lymphocytic leukemia: analysis of clinical sequencing data / M. Mikhaleva, S. Tyekucheva, K. Mashima [et al.] // *Leukemia & Lymphoma*. – 2023. – Vol. 64, Sup. 1. – P. S133–S134.
16. Mashima, K. Characterizing ATM aberrations in chronic lymphocytic leukemia (CLL): prognostic implications and sensitivity to PARP inhibition / K. Mashima, M. Mikhaleva, S. M. Fernandes [et al.] // *Blood*. – 2023. – Vol. 142, Suppl. 1. – P. 6507.
17. Mikhaleva, M. Higher mutational burden is an independent predictor of shorter time to first treatment in untreated chronic lymphocytic leukemia patients / M. Mikhaleva, S. Tyekucheva, K. Mashima [et al.] // *Blood*. – 2023. – Vol. 142, Suppl. 1. – P. 3270.
18. Motyko, E. V. Molecular-genetic profile and different prognostic impact of recurrent gene mutations in chronic lymphocytic leukemia / E. V. Motyko, M. A. Mikhaleva, V. A. Shuvaev [et al.] // *Clinical Oncohematology. Basic Research and Clinical Practice*. – 2024. – Vol. 17, № S3. – P. 99–100.
19. Mashima, K. Impact of germline and somatic ATM variants in chronic lymphocytic leukemia (CLL): clinical implications and response to PARP inhibition / K. Mashima, N. Moore, M. Mikhaleva [et al.] // *Blood Cancer Discov*. – 2024. – Vol. 5, № Suppl. 2. – P. P01.
20. Mikhaleva, M. Chronic lymphocytic leukemia (CLL) with central nervous system involvement (CNSi) / M. Mikhaleva, E. Aquilanti, U. Chukwueke [et al.] // *HemaSphere*. – 2024. – Vol. 8, Suppl. 1. – P. 1141–1142.
21. Santos Azevedo, R. Complex karyotype, but not isolated TP53 mutation, predicts overall survival in chronic lymphocytic leukemia patients in the era of targeted therapy / R. Santos Azevedo, M. Mikhaleva, K. Mashima [et al.] // *Blood*. – 2024. – Vol. 144, Suppl. 1. – P. 583–584.
22. Sungchul Choi, D. Low variant allele frequency (VAF) TP53 mutation (mut) is not a poor prognostic marker in CLL patients treated with targeted therapy / D. Sungchul Choi, Y. Ren, S. Tyekucheva [et al.] // *Blood*. – 2024. – Vol. 144, Suppl. 1. – P. 587–588.
23. Yoon, J. T. Characteristics and outcomes of patients with double refractory (DR) or double exposed (DE) CLL / J. T. Yoon, Y. Zhou, S. Tyekucheva [et al.] // *Blood*. – 2024. – Vol. 144, Suppl. 1. – P. 4617–4618.
24. Yadav, S. Clonal evolution during dual B cell receptor pathway inhibitor therapy with acalabrutinib and umbralisib in CLL patients / S. Yadav, S. J. Khan, B. Kandathilparambil Sasi [et al.] // *Blood*. – 2024. – Vol. 144, Suppl. 1. – P. 4611–4612.
25. Богданов, А. Н. Старение и клональный гемопоэз / А. Н. Богданов, С. В. Волошин, Е. О. Куневи́ч, М. А. Михалева // *Успехи геронтологии*. – 2024. – Т. 37, № 3. – С. 266–275.
26. Kunevich, E. Myeloid clonal hematopoiesis of indeterminate potential (M-CHIP) in patients with lymphoid malignancies (LM) / E. Kunevich, N. Nemscveridze, D. Chebykina [et al.] // *HemaSphere*. – 2025. – Vol. 9, Suppl. 1. – P. 1935–1937.
27. Михалева, М. А. Миелоидный клональный гемопоэз неопределенного потенциала у пациентов с хроническим лимфоцитарным лейкозом / М. А. Михалева, Е. В. Мотыко, И. С. Мартынкевич [и др.] // *Трансфузиология*. – 2025. – Т. 26, № 2, прил. 1. – С. 49–50.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВБП	– выживаемость без прогрессии
ВТ1	– время до первой линии терапии
ВТ2	– время до второй линии терапии
ДИ	– доверительный интервал
КГ	– клональный гемопоэз

КК	– комплексный кариотип
КК 3+	– КК с ≥ 3 хромосомными аномалиями в одном опухолевом клоне
МФ	– многофакторный регрессионный анализ Кокса
ОВ	– общая выживаемость
ОФ	– однофакторный регрессионный анализ Кокса
ПЗ	– прогрессирование заболевания
п.о.	– пара оснований
ПР	– полная ремиссия
ПЦР	– полимеразная цепная реакция
Р/Р	– рецидивное/рефрактерное течение заболевания
ССЗ	– сердечно-сосудистых заболеваний
T1	– терапия первой линии
T2	– терапия второй линии
ХЛЛ	– хронический лимфоцитарный лейкоз
ЧР	– частичная ремиссия
CHIP	– clonal hematopoiesis of indeterminate potential, клональный гемопоэз неопределенного потенциала
del(11q)	– делеция длинного плеча 11 хромосомы
del(13q)	– делеция длинного плеча 13 хромосомы
del(17p)	– делеция короткого плеча 17 хромосомы
FISH	– fluorescent in-situ hybridization, флуоресцентная in-situ гибридизация
high-TP53mut	– мутации в гене <i>TP53</i> с уровнем VAF > 10%
HR	– hazard ratio, отношение рисков
<i>IGHV</i>	– immunoglobulin heavy-chain variable region gene, ген варибельного региона тяжелой цепи иммуноглобулинов
ISCN	– The International System for Human Cytogenomic Nomenclature, Международная система цитогеномной номенклатуры человека International Workshop on Chronic Lymphocytic Leukemia,
iwCLL	– международная рабочая группа по изучению хронического лимфоцитарного лейкоза
M-CHIP	– миелоидный клональный гемопоэз неопределенного потенциала
M- <i>IGHV</i>	– mutated <i>IGHV</i> , мутированный <i>IGHV</i>
Mb	– мегабаза
mut	– мутированный статус гена
NGS	– next-generation sequencing, секвенирование нового поколения / высокопроизводительное секвенирование
PAF	– population allele frequency, частота аллеля в популяции
TMB	– tumor mutational burden, опухолевая мутационная нагрузка
UM- <i>IGHV</i>	– unmutated <i>IGHV</i> , немутированный <i>IGHV</i>
VAF	– variant allele frequency, частота вариантного аллеля
WES	– whole-exome sequencing, полноэкзомное секвенирование
WGS	– whole-genome sequencing, полногеномное секвенирование
wt	– дикий тип гена
(+12)	– трисомия 12 хромосомы